

«ЛИЧНАЯ ДРАМА, ОПРЕДЕЛЕННАЯ ИСТОРИЕЙ»: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД Ф. РОТА В РОМАНЕ «АМЕРИКАНСКАЯ ПАСТОРАЛЬ»

Ксения Александровна Вихрова

преподаватель Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: r2654256@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4175-8005

Аннотация. В статье анализируется реализация художественного метода современного писателя Ф. Рота (1933–2018) в романе «Американская пастораль», соединяющем события большой истории и глубоко личную семейную драму и проблематизирующем еврейскую идентичность в иммигрантском мире диаспоры. В результате анализа делается вывод о том, что ключевые события из истории США во второй половине XX в. используются в качестве концептуальной основы для структурирования нарратива и создания образов персонажей. Вторая мировая война, война во Вьетнаме, ранее не фигурировавшая у автора как предмет глубокого анализа, беспорядки в Ньюарке в 1967 г. и Уотергейтский скандал оказываются не панорамным фоном, а динамичной силой. С их помощью нарратор Натан Цукерман, alter ego Рота, формирует нелинейный сюжет романа: в центре каждой части находится масштабное событие, определяющее характер эпохи и персонажей. Главный герой романа – предприниматель Сеймур «Швед» Лейвоу – ветеран Второй мировой войны, воплощенная американская мечта, символ старой доброй Америки времен экономического роста. Пасторальную жизнь Шведа разрушает неизбежность исторического процесса, вторгшегося в семейную идиллию: теракт, совершенный дочерью Шведа Меридит в поддержку вьетнамского народа, «возвращает войну» не только Линдону Джонсону, но и разрывает семейные узы. Ретроспективные попытки найти истоки трагедии приводят Шведа и Цукермана к мысли о жестокости американской истории и атомарности общества. Благодаря непрекращающемуся диалогу еврейской и американской культур фигуры Шведа и Мерри можно представить и как детально индивидуализированные, и как собирательные образы, силы истории, (ре)формирующие американскую мечту.

Ключевые слова: Филип Рот, Вторая мировая война, война во Вьетнаме, Уотергейтский скандал, еврейская идентичность, американский национальный миф

Масштабные международные конфликты – такие как Вторая мировая война и война во Вьетнаме – и события социально-политической истории США, оказавшие значительное влияние на жизнь американцев, часто становились предметом художественного изображения современного писателя Филипа Рота (1933–2018). В 2005 г. он получил премию Общества американских историков «за выдающийся исторический роман» «Заговор против Америки» (“The Plot Against America”, 2005), интерес к которому впоследствии резко возрос во время предвыборной кампании Д. Трампа. Другой роман Рота, за который он получил Пулитцеровскую премию, – «Американская пастораль» (“American Pastoral”, 1997), – начинает «Американскую трилогию» и проблематизирует целый ряд ключевых событий XX в., в частности – войну во Вьетнаме, расовые бунты в Ньюарке и Уотергейтский скандал.

Творчество Рота привлекает пристальное внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей, среди которых можно отдельно отметить Д. Гублара [Gooblar], Д.П. Ройала [Royal], А. Позорски [Pozorski], Д. Браунера [Brauner], К.Ф. Брувилер [Brühwiler], О.Б. Карасик-Апдайк [Карасик]. С 2005 г. выходит журнал “Philip Roth Studies”, выпускаемый издательством Университета Пердью и Обществом Филипа Рота. В качестве основных тем в творчестве автора традиционно выделяются характерные особенности

социально-экономической жизни США (с акцентом на вопросах функционирования политических движений, политкорректности, внимании к выражениям сексуальности и новым интерпретациям американской мечты) и проблема еврейской идентичности. Фигура самого писателя вызывает неподдельный интерес у журналистов и широкой публики: Рот часто давал интервью, в которых комментировал свои произведения и делился наблюдениями, также становившимися объектом исследования.

Примечательно, что творческий метод Рота в работе с историческими событиями подвергался прежде всего глубокому социологическому и культурологическому, а не литературоведческому анализу. Например, в книге «Рот и травма: проблема истории в поздних произведениях (1995–2010)» (“Roth and Trauma: The Problem of History in the Later Works (1995–2010)”, 2011) Позорски использует положения теории травмы для исследования репрезентации американской идентичности в ряде романов Рота и приходит к выводу, что источник послевоенных общественных катаклизмов автор видит в национальных исторических травмах, в частности – в особенностях возникновения и основах государственности США. В этом исследовании также прослеживается тенденция универсализировать идейные построения Рота, выводя их с уровня обсуждения жизни и проблем еврейской диаспоры в общий аме-

риканский контекст. Так, Н. Пальцев в предисловии к сборнику произведений Рота, изданному в 1994 г., приходит к выводу, что «истоки, беды были чисто американскими; еврейским оказывалось лишь ее внешнее обличье» [Пальцев], и О.Б. Карасик-Апдайк полностью соглашается с этой идеей: «...речь об Америке в целом, а жизнь евреев, очевидно более близкая и знакомая писателю, является частью жизни американского общества» [Карасик: 286].

В рамках данной статьи осуществляется анализ авторского метода репрезентации исторических событий и соотношения «американской» и «еврейской» проблематики¹ в полифоническом романе «Американская пастораль». Эти два аспекта тесно связаны в произведении: ключевые исторические события – Вторая мировая война, война во Вьетнаме, бунты в Ньюарке, Уотергейтский скандал – служат не фоном для разворачивающейся семейной драмы, а инструментом концептуализации при создании персонажей, включенных в мировой исторический про-

цесс, и структурировании сюжетных линий, которые иллюстрируют как тенденции в жизни еврейской диаспоры, так и общеамериканские процессы во второй половине XX в.²

Центральное место в «Американской пасторали» занимает история преуспевающего еврейско-американского предпринимателя Сеймура «Шведа» Лейвоу, «пасторальная» жизнь которого в одночасье рушится, когда его дочь Мередит совершает теракт в поддержку вьетнамского народа и убегает из дома. Оба эпиграфа к роману – фрагмент песни «Мечта», популярной в 1940-х гг., и цитата из стихотворения У.К. Уильямса – отсылают читателя к американской мечте: следование за утопическим проектом, согласно песне, гарантирует место в «раю», однако редко приводит к «ожидаемому», как отмечает поэт. В оппозиции двух эпиграфов заключена ирония пути Шведа: после личного «апокалипсиса» и краха экзистенциального проекта он, как кажется стороннему наблюдателю, восстанавливается и вновь воплощает собой американскую мечту.

¹ Любопытно, что в ответ на попытки журналистов и литературоведов определить его как «еврейско-американского писателя» Рот повторял, что он и американец, и еврей, и писатель [Italie], тем самым подчеркивая свое положение в «промежуточном пространстве».

² В ранней версии романа под названием «Как живут остальные» (“How the other half lives”) Рот выводил мировой контекст, сопоставляя американские события и историю жизни девушки, названной в честь Анны Франк, после ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г. Однако в финальной версии автор отказался от масштабного сравнения в пользу большей сосредоточенности на частной трагедии еврейской семьи.

В «Американской пасторали» сюжет существенно не совпадает с фабулой: текст структурирован рамочной композицией, временные пласты в произведении оказываются смешаны, прошлое чередуется с настоящим, и его события оказываются «комментариями» к нынешним ситуациям. Роман состоит из трех частей, каждая из которых строится вокруг определенных исторических событий. Первая часть – идиллическое «Воспоминание о рае» – начинается с моментов личной и общественной истории, тесно переплетенных между собой: «Швед. Во время войны, когда я учился еще в средних классах, звук этого имени завораживал в наших кварталах Ньюарка всех, даже взрослых...» [Рот: 9]. Для нарратора – Натана Цукермана, писателя, сочиняющего роман о Шведе, и alter ego Рота – фигура героя оказывается тесно связанной с воодушевлением и эмоциональным подъемом в еврейской диаспоре Ньюарка времен Второй мировой войны, участником которой Швед стал, и американского общества периода экономического роста 1945–1964 гг. в целом. С одной стороны, ясность целей и безоговорочная оправданность военных действий обосновывают правильность пути Шведа, с другой – его полная интеграция в американское общество даже на физическом уровне (нееврейская внешность) становится, согласно Цукерману, залогом успеха всей диаспоры в будущем: «Думаю, я, безусловно, не единственный бывший еврейский мальчик,

который в те патриотические времена мечтал стать настоящим американцем, связывал ослепительный облик Шведа с воплощением наших надежд на конец войны и победу...» [Там же: 37]. Пасторальный рай прошлого достаточно схематичен и овеян компульсивной ностальгией нарратора по «старым добрым временам».

Характерно, что Цукерман не просто обходит тему Холокоста стороной, предпочитая концентрироваться на всесторонних достижениях Шведа: это намеренное игнорирование болезненно и симптоматично повторяется в других романах, где он выступает в качестве нарратора. Цукерман громко говорит о моменте «наивысшего коллективного опьянения, которое когда-либо переживала Америка» [Там же: 69] и на его основе структурирует характер вымышленного Шведа в воспоминаниях, но молчит о величайшей трагедии еврейского народа, которая не могла – хотя бы отдаленно и ретроспективно – не затронуть членов диаспоры в Ньюарке. Представляется, что для использования фигуры умолчания есть целый комплекс причин, одной из которых можно считать желание Цукермана в наиболее полной мере интегрировать героя во все американское, не проводя разграничительную линию Холокоста, которая, однако, имплицитно присутствует в нарративе.

Общенациональный американский оптимизм и вера в победу во Второй мировой войне соединяются в образе Шведа с

оправданием выбора США в качестве новой родины и надеждой на воплощение иммигрантской американской мечты о лучшей жизни и устойчивом социально-экономическом развитии. Хотя исследователи нередко определяют отдаление Шведа от еврейских корней, традиций и религии как предательство истинной идентичности [Brauner], анализ аспектов «этнического ренегатства» показывает, что стремление Шведа влиться в американское общество проявляется с самого рождения: он не выбирал нееврейскую внешность и характер. Когда между синагогой (ассоциируемой с дедом), фабрикой (наследством отца) и баскетбольной площадкой юный Швед отдает предпочтение последней, он входит в бессознательное единение с Америкой. Для Шведа американский опыт сливается с еврейским, поскольку он иммигрант в третьем поколении и не проходит период болезненного приспособления к новой жизни:

«Разрыв между поколениями был ощутим, и предметов для споров хватало: существовал взгляд на мир, от которого старшие не готовы были отказаться; правила, казавшиеся им незыблемыми, для нас после каких-то двух десятилетий в Америке представлялись уже просто бессмысленными; вечная неуверенность во всем была свойственна им, но не нам» [Рот: 70–71].

Первую часть романа завершает отсылка к давно минувшей исторической эпохе, «когда

президентом Соединенных Штатов был Уоррен Гамалиел Гардинг» [Там же: 187], укореняя повествование в американской истории, и бесстрастное сообщение об устроенном Мередит взрыве на почте, чтобы «вернуть войну» Линдону Джонсону и всем поддерживающим американское вторжение [Sorosiak: 8].

Характерно, что в более ранних произведениях Рота война во Вьетнаме не осмыслилась в таком масштабе. Работа над «Американской пасторалью» заняла 25 лет, и за это время в культуре сформировался определенный канон описания войны как величайшей, неоправданной трагедии. Редкими исключениями, отмечающими героический империализм, оказываются «Зеленые береты» (“The Green Berets”, 1965) Р. Мура и одноименная экранизация 1968 г., серия фильмов про Джона Рэмбо с Сильвестром Сталлоне в главной роли, существенно отошедшая от книжной первоосновы. В то же время основной корпус произведений, посвященных войне во Вьетнаме или хотя бы затрагивающих эту тему, был проникнут критическим антимилитаристским пафосом. Сам Рот в интервью журналисту “The New York Times” Ч. Макграту в 2000 г. отметил, что война во Вьетнаме породила социальную нестабильность, сопоставимую по масштабам с кризисом Великой депрессии [McGrath].

С точки зрения Цукермана, бессмысленность теракта Мерри, результатом которого стала гибель местного врача, подчеркива-

ет неоправданность войны и неясность целей США для рядовых граждан. Для Шведа это событие стало роковым: оно разорвало ткань пасторального мира катастрофой, вызвало шок непонимания того, почему дочь совершила такое злодеяние, и заперло героя в «гробу истории», заставив вновь и вновь мысленно обращаться к нему. Мерри «вернула войну» не только в США, но и в собственный дом, отграничив идеализированное прошлое «старой доброй Америки» от шокирующего настоящего, погруженного в хаос общественной атомарности. Надежды на продолжение устойчивого развития, укоренения в обществе, смену здорового американского прошлого здоровым настоящим для процветающей еврейской семьи оказались разрушены.

С другой стороны, «именно Рот возвращает войну домой, когда, сочиняя роман, вводит в рассказ взрыв в Нью-Джерси, а не в лагере Вьетконга в Ханое» [Sorosiak: 7], чтобы дать возможность высказаться тем, кто остался в США и не принимал участия в боевых действиях. В результате Швед и Мерри становятся выразителями двух полярных мнений: если отец предпочитает молчать о происходящем, как будто его не касается война собственной страны, игнорируя новостные сводки, дочь прибегает к наиболее радикальному виду протеста. В долгосрочной перспективе в оптике социально-экономических критериев именно стратегия отца

конформиста приводит к жизненному успеху, поскольку он продолжает инвестировать силы и время в свои собственные дела, не пытаясь вмешиваться в глобальные процессы, повлиять на которые он не в силах.

Вторая часть – «Грехопадение» – начинается с эпизода встречи Шведа и представившейся студенткой Риты Коэн на перчаточной фабрике, принадлежащей герою. Одежда Риты – костюм Ральфа Абернати, последователя Мартина Лютера Кинга [Рот: 188], – задает тон для последующего события, ставшего центральным для всей части, – расовых бунтов в Ньюарке в 1967 г., ставших испытанием для Шведа и его предприятия, на котором основной рабочей силой были афроамериканцы.

С усилением политики сегрегации и геттоизации социально-экономическое положение афроамериканцев существенно ухудшилось. Когда в Ньюарке начались беспорядки, организованные афроамериканцами в ответ на действия полиции, отец Шведа Лу резко осудил их, заявив, что он построил фабрику своими руками, и, если бунтовщики ее разрушат, они достойны жить лишь в руинах. Лу четко определил корень социального зла – это бедность и коррупция, но не оправдал погромщиков. Для него афроамериканцы – образец деструктивного меньшинства, которое само виновато в положении субалтернов. Швед также не связал беспорядки с угнетенным положением рабочих, восприняв бунт

хаотичным и иррациональным, и поддержал ввод войск в город. Он отверг обвинения в экономическом хищничестве, расизме и империализме, когда Рита Коэн заявила, что его перчаточная фабрика – современная плантация в системе патерналистского капитализма. Его веру в собственную непогрешимость не омрачает рефлексия: впоследствии он принял решение перенести производство в Пуэрто-Рико ради получения большей прибыли, поскольку продолжать использовать дешевую рабочую силу на родине оказалось невозможно из-за деятельности профсоюзов.

Согласно Цукерману, вера Шведа в инклюзивность основана на идее американской исключительности, отсутствии внимания к историческим и социальным конфликтам, мифологизированности сознания. Швед ответил на зов послевоенного времени подъема как «невинный американский Адам», не отягощенный представлениями об исторической ретроспективе эксплуатации и опыте неравенства. Хотя положение еврейской диаспоры и афроамериканцев в Ньюарке в начале XX века было во многом схоже, этнические границы оказались гораздо подвижнее расовых: Швед не только примкнул

к англосаксам-протестантам, но и стал таким же экономическим угнетателем, препятствующим реализации американской мечты чернокожих работников его предприятия. Противопоставление богатого белого населения и рабочих-афроамериканцев отражается в географическом противостоянии мест их обитания – Ньюарка и Олд-Римрока: город функционирует как «черная колония» [Hwang: 166], в то время как пригород оказывается зоной «пасторального рая» – парадоксального результата рационального материализма.

Хотя одним из центральных сюжетных событий «Американской пасторали» становятся расовые беспорядки в Ньюарке, голоса афроамериканцев в романе практически не слышны¹. Исключение составляет пожилая Вики – управляющая на заводе Шведа: она поддерживает героя, к которому испытывает теплые чувства, и пытается спасти фабрику от погрома, вывесив объявление о том, что на ней работают афроамериканцы, но одновременно сочувствует бунтующим и их тяжелой жизни. Парадоксальная «немота» афроамериканцев – как и расовый вопрос в романе – редко отмечаются критиками, которые главным образом сосредоточивают

---

¹ Впоследствии расовая проблематика получила масштабное освещение в университетском романе Рота «Людское клеймо» (“The Human Stain”, 2000), входящем в «Американскую трилогию».

внимание на вопросах межличностных отношений персонажей и идейного конфликта между Шведом и Мерри.

Если на особенности личности Шведа в интерпретации Цукермана оказало влияние участие США во Второй мировой войне и послевоенный подъем, то характер Мерри отличается «большой спецификой» [Schechner: 147]: его определили война во Вьетнаме, воплощающая американскую аутоагрессию, и дух бунта 1960-х гг. против социальной несправедливости. Антивоенные репортажи о самосожжении монахов и зрелище капиталистической эксплуатации афроамериканцев побудили Мерри, Риту Коэн и других молодых евреев Ньюарка использовать террористические методы борьбы. Они ощутили свою социально-экономическую и символическую принадлежность к «угнетателям» и отвергли пасторальную Америку Шведа и Цукермана, проникнутую социальным неравенством, жестокостью и дискриминацией.

Важно отметить, что позиция Шведа в представлении Цукермана кажется существенно и намеренно упрощенной и утрированной. В разговорах с женой герой резко протестует против комплекса этнической неполноценности, от которого страдает ирландка-католичка Доун, следовательно, можно утверждать, что расовая проблема находится в поле его мысли. Кроме того, Швед слишком хорошо знаком с опытом неравенства, который приобрели его дед и отец, что-

бы не знать о гетто, в котором проходило его собственное детство, и проблемах рабочих (он сам начинал обучение с низших фабричных должностей, подразумевавших тяжелую работу). Отмеченное упрощение позволяет заострить контраст между идейными позициями персонажей.

Вторая часть романа завершается эмоциональной отповедью брата Шведа Джерри в ответ на нежелание главного героя насильно возвращать дочь домой: «О'кей, Великий Швед, наш нежненький гигант. У меня полная приемная больных. Действуй как знаешь» [Рот: 447]. Джерри сердит кажущаяся мягкотелость Шведа и его нежелание открытого конфликта с Мерри и ее идейными установками, в то время как действительной причиной его колебаний остается невозможность осмыслить то, как идеальная семья могла породить чудовище, которое отец продолжает любить, несмотря на полное взаимное непонимание.

Третья и завершающая часть – «Потерянный рай» – возвращает читателя в прошлое и начинается с упоминания Уотергейтского дела [Там же: 448], обернувшегося для американского общества потрясением и пошатнувшего веру в устойчивость демократических институтов. Политическому потрясению в общественной жизни противопоставляется пасторальное, но, как уже известно, утраченное счастье семьи Лейвоу: жена Шведа разводит коров, с которыми любит играть Мерри,

сам Швед занят бизнесом, и только его отец все время проводит у телевизора за просмотром политических разбирательств вокруг Уотергейта и пишет эмоциональные письма членам комитета, предрекая Америке скорую фашизацию руками «патриотов»¹.

В разговоре Лу и Мерри эпизодически мелькает тема Холокоста: Лу опасается проявлений антисемитизма в США, но не соглашается с Мерри, отождествляющей действия президента Джонсона и Гитлера в преступлениях против вьетнамцев и евреев соответственно. Лу в гораздо меньшей степени заботит судьба далекого вьетнамского народа, но он призывает Мерри не ссориться с семьей (на самом деле – преимущественно с ним самим, поскольку остальные члены семьи мало интересуются политикой), сохранять дипломатичность и придерживаться мирных путей протеста, которые возможны благодаря демократической системе и свободе слова. Предложение Лу входит в очевидное сюжетное противоречие с дальнейшими действиями Мерри, и воспоминание об этой сцене возвращаются к Шведу, мучительно пытающемуся ретроспективно обнаружить источник грядущей катастрофы.

После утраты дочери Доун решилась на измену, что стало серьезным ударом для Шведа, который высоко ценит семейные узы и верит в незыблемость брака. Последующий развод вверг героя в эмоциональный и когнитивный коллапс. «Потерянный рай» завершается скорбью Цукермана по еврейской семье, уничтоженной движением американской истории, и тоской по пасторальной жизни и нарушенной цепи поколений:

«Всё против них, всё и все, которым не нравится их способ жизни. Голоса, доносящиеся со всех сторон, клеймят презрением и отвергают их жизнь. А что в ней плохого? Что на земле безобиднее, чем жизнь Лейвоу?» [Там же: 666].

Однако из-за нелинейной структуры повествования читателю известно, что жизнь Шведа успешно восстановилась в ранее намеченных границах: после утраты дочери и развода он обрел новую семью и перевел производство за границу. Горестные риторические вопросы Цукермана, завершающие роман, относятся скорее к универсализированному прошлому, прежнему жизненному укладу, чем к

---

¹ Тему фашизации США Рот раскрыл в романе «Заговор против Америки» (“The plot against America”, 2004), завершающем «Американскую трилогию».

судьбе конкретного персонажа, который несмотря ни на что осуществил американскую мечту, оказавшуюся устойчивым проектом благодаря способности к самостабилизации [Brooks].

Таким образом, художественный метод Рота в работе с историческими событиями можно охарактеризовать как сочетание ретроспективной модели, в рамках которой осуществляется взаимодействие нескольких исторических пластов, и элементов панорамной модели, в которой большая история служит фоном для трагедии отдельных людей. Тесное переплетение национальной истории с событиями частной жизни подчеркивается специфической образной системой главных героев. С одной стороны, персонажей романа можно возвести к собирательным образам, представить в качестве движущих сил истории, формирующих американскую мечту и этос, с другой – глубоко личная драма наделяет их полнокровностью и индивидуальностью.

Литература

Карасик, О.Б. Филип Рот в России: переводы и рецепция // Литература двух Америк. 2018. № 4. С. 280–291.

Пальцев, Н. Цена смеха, или магические зеркала Филипа Рота. 1994 [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/rot-filip/bolezny-portnogo/10> (дата обращения: 12.02.23).

Рот, Ф. Американская пастораль / пер. с англ. В. Кобеца, Н. Кулаковой. М.: Издательство «Книжники», 2016.

Brauner, D. (2004). American anti-pastoral: incontinence and impurity in “American pastoral” and “The human stain”. *Studies in American Jewish Literature*, 23, 67–76.

Brooks, D. (2000). *Bobos in paradise: the new upper class and how they got there*. New York, NY: Simon & Schuster.

Brühwiler, C.F. (2017). *A political companion to Philip Roth*. Lexington, KY: University Press of Kentucky.

Gooblar, D. (2011). *The major phases of Philip Roth*. London, New York: Continuum.

Hwang, J.-S. (2018). “Newark’s just a black colony”: race in Philip Roth’s “American pastoral”. *Twentieth Century Literature*, 64(2), 161–190.

Italie, H. (2018, May 23). Philip Roth: a generation’s defining voice. Retrieved from: <https://apnews.com/article/entertainment-tannehisi-coates-bruce-springsteen-ap-top-news-philip-roth-f17317e1e47f46229a098e1bd2af1e50> (date of access: 12.02.23).

McGrath, C. (2000, May 7). Zuckerman’s alter brain. Retrieved from: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/00/05/07/reviews/000507.07mcgrat.html> (date of access: 12.02.23).

Pozorski, A. (2011). *Roth and trauma: the problem of history in the later works (1995–2010)*. London, New York: Continuum.

Royal, D.P. (2005). *Philip Roth: new perspectives on an American author*. Westport, CT: Praeger.

Schechner, M. (2007). Roth's American trilogy. In T. Parish (Ed.), *The Cambridge companion to Philip Roth*. Cambridge: Cambridge University Press, 142–157.

Sorosiak, C. (2013). Philip Roth and America's inexplicable war: situating "The human stain" and "American pastoral" within the Vietnam canon. *Postgraduate English: A Journal and Forum for Postgraduates in English*, 27, 1–29.

References

Brauner, D. (2004). American anti-pastoral: incontinence and impurity in "American pastoral" and "The human stain". *Studies in American Jewish Literature*, 23, 67–76.

Brooks, D. (2000). *Bobos in paradise: the new upper class and how they got there*. New York, NY: Simon & Schuster.

Brühwiler, C.F. (2017). *A political companion to Philip Roth*. Lexington, KY: University Press of Kentucky.

Gooblar, D. (2011). *The major phases of Philip Roth*. London, New York, NY: Continuum.

Hwang, J.-S. (2018). "Newark's just a black colony": race in Philip Roth's "American pastoral". *Twentieth Century Literature*, 64(2), 161–190.

Italie, H. (2018, May 23). *Philip Roth: a generation's defining voice*. Retrieved from: <https://apnews.com/article/entertainment-ta-nehisi-coates-bruce-springsteen-ap-top-news-philip-roth-f17317e1e47f46229a098e1bd2af1e50> (date of access: 12.02.23).

Karasik, O.B. (2018). Filip Rot v Rossii: perevody i retsepsiya [Philip Roth in Russia: translations and reception]. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of Americas], 4, 280–291.

McGrath, C. (2000, May 7). *Zuckerman's alter brain*. Retrieved from: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/00/05/07/reviews/000507.07mcgrat.html> (date of access: 12.02.23).

Pal'tsev, N. (1994). *Tsena smekha, ili magicheskiye zerkala Filipa Rota* [The price of laughter, or Philip Roth's magic mirrors]. Retrieved from <https://litresp.ru/chitat/ru/R/rot-filip/bolezny-portnogo/10> (date of access: 12.02.23).

Pozorski, A. (2011). *Roth and trauma: the problem of history in the later works (1995–2010)*. London, New York, NY: Continuum.

Roth, P. (2016). *American pastoral* (V. Kobets, & N. Kulakova, Trans.). Moscow: Izdatel'stvo "Knizhnik".

Royal, D.P. (2005). *Philip Roth: new perspectives on an American author*. Westport, CT: Praeger.

Schechner, M. (2007). Roth's American trilogy. In T. Parish (Ed.), *The Cambridge*

companion to Philip Roth. Cambridge: Cambridge University Press, 142–157.

Sorosiak, C. (2013). Philip Roth and America's inexplicable war: situating "The

human stain" and "American pastoral" within the Vietnam canon. *Postgraduate English: A Journal and Forum for Postgraduates in English*, 27, 1–29.

Для цитирования: Вихрова, К.А. «Личная драма, определенная историей»: художественный метод Ф. Рота в романе «Американская пастораль»// Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 2. С. 95–107. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-2-95-107

For citation: Vikhrova, K.A. (2023). "Personal drama defined by history": Philip Roth's artistic method in "American Pastoral". *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (2), 95–107. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-2-95-107

“PERSONAL DRAMA DEFINED BY HISTORY”: PHILIP ROTH’S ARTISTIC METHOD IN “AMERICAN PASTORAL”

Kseniya A. Vikhrova, Assistant, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design (St. Petersburg, Russia); e-mail: r2654256@gmail.com

Abstract. The article analyzes the implementation of Philip Roth’s (1933–2018) artistic method in the novel “American Pastoral”, which connects the historical events with a personal family drama and problematizes the Jewish identity in diaspora. The analysis shows that several key events from the history of the United States (the second half of the 20th century) were used as a conceptual basis for narrative structure and for the set of characters. World War II, the Vietnam War, which Roth had not previously discussed in a comprehensive manner, the 1967 Newark riots, and the Watergate scandal turn out to be not a panoramic background, but a dynamic force. References to the events help the narrator – Nathan Zuckerman, Roth’s alter ego – form a non-linear plot: the large-scale events are to center each part of the novel and determine the nature of the period and the characters. The protagonist of the novel is Seymour “The Swede” Levov, an entrepreneur, a veteran of World War II, the embodiment of the American dream, symbolizing good old America during the times of economic growth. Seymour’s pastoral life is destroyed by the inevitability of historical process that intrudes the family idyll: a terrorist attack committed by Seymour’s daughter Meredith in support of the Vietnamese people “returns the war” to Lyndon Johnson and breaks the family ties. Attempts to find the root of evil retrospectively lead Seymour and Zuckerman to the idea of the cruelty of American history and the atomic nature of society. The ongoing dialogue between Jewish and American cultures is represented by the images of Seymour and Merry as both, individualized and collective images, actors of history who (re)shape the American dream

Key words: Philip Roth, World War II, Vietnam War, Watergate scandal, Jewish identity, American national myth

